

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Тучковой Натальи Анатольевны
«Этническая история и фольклор селькупов:
проблема корреляции данных»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология**

Проблемы ранней этнической истории селькупов имеют важное значение для понимания процессов формирования этноязыковой карты Западной и Средней Сибири в целом в силу, во-первых, географического положения селькупов в центре региона, во-вторых, их расселения преимущественно в районах, так или иначе связываемых с уральской и самодийской прародиной, в-третьих – с определяемой географическим положением сложной историей разнообразных контактных связей селькупов с соседними народами. Особую сложность эти проблемы имеют потому, что селькупы представляют собой, по сути дела, типичный «конструкт», созданный в ходе бурных этнополитических процессов XX в., что сильно затрудняет понимание многокомпонентности их состава и связанной с ней сложности их этнической истории. Изучению специфики разных групп, объединяемых сегодня под названием «селькупы», и их формированию в этнографии традиционно уделялось либо недостаточно внимание, либо – поскольку отрицать очевидный факт гетерогенности этой общности невозможно, и в то же время требовалось создавать её «единую» историю – это создавало базу для совершенно фантастических построений. В господствующей же в области исследования предыстории археологии указанное обстоятельство нередко вообще не принимается во внимание, что не может не приводить к поверхностным и поспешным обобщениям. Ситуацию усугубляет быстрая ассимиляция многих селькупских групп в XX в., в частности – самых интересных в языковом и этноисторическом плане крайне южных, вследствие чего реконструкция истории селькупского языка и культуры ещё более осложняется.

Этим определяется научная значимость и прорывной характер рецензируемой работы, автор которой, понимая всю сложность ситуации, выполняет сразу как минимум две важнейшие задачи: вводит в научный оборот массив данных по селькупскому фольклору и духовной культуре в целом, проводя его первичную обработку, систематизацию и классификацию, и предпринимает интереснейшую попытку с привлечением оригинальных новых методов применить этот материал для понимания проблем селькупской предыстории. Сразу и безоговорочно следует сказать, что попытка эта автору удалась, и рецензируемая работа, безусловно, станет новым словом не только в селькупской этнографии и фольклористике, но и в исследовании предыстории Западной Сибири.

Поэтому особое значение имеют методологические положения, из которых исходит автор. Они касаются фольклорного материала и способов его анализа в этноисторических исследованиях. Общую проблему исследования

автор формулирует следующим образом: “выявление корреляционной связи между этнической историей этноса и фольклорным материалом, сформированным этносом в ходе исторического процесса” (с. 14), выделяя при этом основные задачи:

– рассмотрение истории подходов к проблеме соотношения этнической истории и фольклорного материала (с. 14). На мой взгляд, тут надо было бы сразу разделить «фольклор-1» как отражение реальных исторических процессов в текстах (событий прошлого в исторических преданиях, древних культурных особенностей в бытовых подробностях и т. п.) и «фольклор-2» как материал для анализа распространения сюжетов и мотивов в ходе исторических процессов. Это разделение, впрочем, проводится затем, в главе 1, где (с. 31-36, 49 pass.), кроме того, ещё разделяется широкий и узкий историзм «фольклора-1».

– выявление корпуса репрезентативных селькупских текстов (с. 14) – скорее следовало бы в плане исторической репрезентативности говорить о выделении не текстов, а жанров и циклов, что автор практически и делает – ср. уже с. 25, где сказано о цикле Ити как самом репрезентативном, на нём базируется в основном и анализ в главе 3.

– классификация и создание указателя сюжетов (с. 14). Данная задача полностью выполнена, и приложения к диссертации, содержащие этот материал, представляют собой отдельное исследование, имеющее непреходящую ценность. Важно, что эта работа проделана автором впервые (более ранние публикации в этой области принадлежат Н. А. Тучковой же, иногда в соавторстве, то есть её приоритет в данной области несомненен).

– описать облик культуры селькупов, отражённой в фольклоре (с. 15). Одна из самых сложных в плане метода задач. Прежде всего, сомнительно, что селькупский фольклор может отражать какую-то единую культуру – и в смысле региональных этнографических различий, и в смысле историческом, поскольку можно ожидать сохранения весьма разновременных напластований (принимая во внимание ещё и то обстоятельство, что в работе используются фольклорные материалы, начиная с начала XIX в.). Поэтому тезис на с. 28 о том, что “Апробированный автором корпусный подход к работе с фольклорным материалом позволил достаточно детально охарактеризовать этнографический облик культуры селькупов исключительно по фольклорным источникам. При этом был установлен факт архаичности этого облика, глубину которой можно оценить в диапазоне 0,5-2 столетий от времени фиксации текста” нуждается как минимум в уточнении: датировка не кажется определённой. Кроме того, нельзя не увидеть противоречия: если в дорусский период, как совершенно справедливо признаёт автор (с. 26), селькупы не были консолидированной общностью, то чья культура описана в фольклоре (см. о проблемах этой реконструкции ниже)? В этой связи не совсем понятно противопоставление «межэтнических» и «внутриэтнических» связей в фольклоре (с. 4): если иметь в виду ступенчатость этнической иерархии и многокомпонентность этносов, то любые «меж-» и «внутри-» теряют смысл. Например, если предание записано от селькупа и даже по-селькупски, это не обязательно предание о селькупах (с. 67). Возможно – и о кетах, учитывая близость и тесные связи этих народов,

где гарантия, что это не кетская история? Сама автор диссертации на практике вполне понимает ненужность таких противопоставлений, но здесь (а также ниже), видимо, действует инерция использования устаревшей терминологии. Вероятно, той же излишней почтительностью к ушедшей научной традиции объясняется странный тезис о том, что диссертация подтверждает “значимость теории этноса” Бромлея – Джыралгасиновой (с. 26). Автору, возможно, видней, но на мой взгляд, историзм и конкретика работы автора не имеет никакого отношения к эклектическим теориям этноса.

– соотнести этапы формирования (этногенез) селькупов, реконструируемый историками и лингвистами, с данными селькупского фольклора, полученными на основе применения методов сравнительной (ареальной) фольклористики (с. 15). Во-первых, совершенно непонятно, почему предполагаемые, например, археологами этапы предыстории селькупов (точнее – развития материальной культуры в Нарымском Приобье) должны чему-то в фольклоре соответствовать? Но главное, что в целом это весьма неудачная формулировка, прежде всего из-за использования термина *этногенез* – ведь никогда, и на примере селькупов это особенно очевидно, нельзя сказать когда этот самый «этногенез» заканчивается. Ср. в диссертации: “Распространение фольклорных сюжетов показывает, что в дорусский период селькупы не существовали как консолидированная общность, однако имелись серьезные причины для их быстрого объединения в условиях внешней опасности” (с. 26) – не уверен, что консолидация селькупов в единую общность произошла сразу с приходом русских, но ясно, что автор прекрасно понимает невозможность определения временных границ «этногенеза» и совершенно правильно пишет в практической части работы: “только со второй половины XIX (после публикаций материалов А. Кастрена) – нач. XX в., с присвоением им научным сообществом единого этнонима (остяко-самоеды; селькупы), их стали рассматривать как единый этнос, тогда как сами они особого единства (соответствующего единству этнического уровня) между собой, вероятно, не ощущали” (с. 189). Как видим, на практике автор оказывается методологически точнее, чем в своих теоретических пролегоменах.

– реконструировать этническую историю селькупов на основе анализа фольклорного материала (с. 15). Здесь вновь возникает вопрос о границе *этногенеза* и *этнической истории* – если она лежит во времени, когда селькупы получили имя (сер. XX в.), то это уж в фольклоре никак не отразилось! В связи с этим возникает и вопрос, почему нижняя граница исследования зависит от первых сведений о селькупах в XVII в. (с. 15)? Если задача – реконструкция этнической истории по данным фольклора в принципе, то откуда мы знаем, как глубоко эти данные нас заведут? На самом деле автор прекрасно понимает проблему – ср. на с. 16: “Особенно значимым для автора явился подход к вопросам соотношения этногенеза и этнической истории, сформулированный Н. А. Томиловым, который предполагает рассмотрение этногенеза как составной части этнической истории”. Вновь мы имеем дело с «терминологической инерцией». Следовало бы просто быть жёстче и последовательней в терминах и соединить две последние задачи в примерно

такой формулировке: реконструировать предысторию селькупов по данным фольклора и соотнести эту реконструкцию с данными смежных наук. Собственно говоря, это в работе и сделано. Интересно, что иногда «терминологическая инерция» в диссертации работает словно бы в обратном направлении, так в разделе 2.2 используется почему-то термин *антропологическое* исследование для обозначения этнографического (с. 139).

Что касается проблемы датировки информации, содержащейся в фольклоре, то вместо ссылки на невнятную (и очень проблематичную) датировку создания олонхо то ли VI-VII вв. то ли позже (даже из приводимой цитаты это не ясно) (с. 58) лучше было привести опыт датирования калевальского эпоса К. Кроном (Krohn K. Kalevalastudien. I-V / Folklore Fellows' Communications. Helsinki, 1924–28). Кроме того, такие циклы не могут восходить к одному периоду – они все очень многослойны, и следует говорить именно о датировке слоёв в терминах *post* и *ante quem*. В принципе, видимо, исторические датировки событий эпоса возможны только там, где есть письменная история, и именно поэтому, например, эвенкийские и т. п. эпические тексты не получится датировать дорусским временем (с. 59–60).

Бесспорным и, к сожалению, мало кому до сих пор понятным является положение диссертации о том, что ««набор» сюжетов в том или ином ареале выявляет специфику формирования этих групп» (с. 4) – как источник по этнической истории рассматривать надо именно не сюжеты или тем более мотивы как таковые (ведь неизвестно, каким образом у этой группы этот сюжет оказался), а наборы сюжетов как отражение истории становления фольклорной традиции той или иной группы. Равным образом оказываются информативны и фольклорные лакуны (отсутствие сюжета) (с. 4). Здесь автор в методологическом отношении превосходит многих современных исследователей, о работах которых она высказывается с глубоким почтением.

Историографическая часть работы очень важна: у нас не так много квалифицированных обзоров истории исследования селькупского фольклора и этнографии. Диссертация содержит такой обзор – насколько я могу судить, практически исчерпывающий. Пожалуй, единственной досадной лакуной в историографии является отсутствие упоминания Д. Г. Мессершмидта среди ранних исследователей селькупов (с. 21). И во 2-й главе история их изучения начинается с Г. Ф. Миллера (с. 96 *pass.*). Между тем, Мессершмидт во время своего путешествия по Сибири (1719-1727 гг., на пару десятков лет раньше Миллера) дважды проехал по селькупским землям, в начале – по Барабе из Тары в Томск, в конце – по маршруту Енисейск – Нарым – Самаров Ям, и по крайней мере дневники этого путешествия опубликованы (Messerschmidt D. G. 1962–1977. Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727. Tagebuchaufzeichnungen. Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Teile I-V. Berlin). Впрочем, забвение трудов Мессершмидта имеет всеобщий характер.

В плане теоретических оценок не уверен, что стоит меня и Ю. Е. Берёзкина записывать в «диффузионисты» (с. 19) и утверждать, (имея в виду, видимо, наши работы) что «один из важнейших выводов, полученных в ходе исследования ареального распространения мотивов <...>: сходство

фольклорных мотивов у разных народов и на разных континентах можно объяснять именно миграциями, т.е. распространение мотивов напрямую связано с путями миграций отдельных групп людей (популяций)” (с. 91). Я в данном случае следую подходу А. Н. Веселовского и никогда не считал миграции единственным источником распространения фольклорно-мифологических мотивов – без миграций, конечно, не обходилось, но не меньшее значение следует уделять контактному распространению мотивов, по крайней мере для Евразии – влиянию народно-христианской традиции; отнюдь не отрицается и возможность типологического сходства и случайного параллелизма. В этом, и в некоторых других аспектах наши с Ю. Е. Берёзкиным взгляды на методы сравнительной мифологии, особенно в древнейшей части не всегда совпадают, мне приходилось демонстрировать поверхностность и поспешность его выводов и для более поздних периодов (Напольских В. В. К методам и основаниям сравнительно-мифологических реконструкций // Этнографическое обозрение, №3. Москва, 2014). Прямые совпадения мифологии с генетикой или археологией, что автор считает сильной стороной таких штудий (с. 55 *pass.*), нечасты, могут объясняться по-разному, и вовсе не обязательны для работы с данными мифологии. В любом случае, для темы диссертации эти размышления иррелевантны. Говоря о возможности хронологизации фольклорного материала лучше было бы сказать о возможности построения относительной хронологии мотивов по линии их усложнения («накопления мутаций») и, возможно, – ареальной хронологии по принципу более широкий – более древний.

Также не уверен, что метод ареальной фольклористики как таковой – прямо-таки новый (с. 25). Выявление фольклорных ареалов и их соотношения – обычное дело. Тем более, что ниже метод Берёзкина (с. 55–58) правильно характеризуется также как ареальный. Аналогично не совсем понятно утверждение, что сравнительное исследование распространения фольклорно-мифологических мотивов «зародилось» в конце XX – начале XXI в. как фактически новое научное направление (с. 91), – это очевидно не так: даже термин сравнительная мифология употреблял ещё А. Н. Веселовский!

Вряд ли интереснейшее исследование Р. В. Николаева о предыстории кетов по данным фольклора, надолго опередив в своё время, следует относить к примерам «узкого» историзма (с. 40–41): его выводы являются результатом обобщений и внешних сравнений, и не обязательно связаны с конкретно-исторической информацией. То же касается и этнонимических по сути преданий о возникновении ненецких родов (с. 43–44): какие реальные исторические данные можно вывести из этих преданий? Можно ли их датировать?

Несколько портит впечатление от историографического обзора его излишняя комплиментарность. Более решительные оценки во многих случаях были бы полезнее. Например, на с. 85 очень верно оценён «метод» Г. И. Пелих (сопоставление «культур», описываемых в сказках и топонимических ареалов (на самом деле – предполагаемых древних / археологических культур, стоявших за этими ареалами): “критерии для сопоставления выбраны автором

были практически интуитивно, на основе эрудиции и личного ассоциативного ряда исследователя” – не лишне было бы сказать и о том, что, помимо прочего неизвестно, из какой традиции происходили используемые Пелих тексты (точнее – русские пересказы). И практически тут же говорится о том, что выявленные Пелих в фольклоре селькупов следы разных «стадий» социальных укладов (типа «матриархата») и разных «форм первобытных религиозных верований» (типа «анимизма» и «тотемизма») представляют собой подход к материалу, который “в целом не вызывает возражения, и, несмотря на идеологический фундамент, данное исследование вполне укладывается в русло этнофольклористики” (с. 88); такая же комплементарная и оттого бессмысленная оценка творчества Пелих даётся и на с. 93. В итоге после более чем 60-страничного обзора автор делает совершенно невнятный вывод: “несмотря на сложность работы с фольклором как источником исторической и этнокультурной информации, тем не менее, различные методологические подходы демонстрируют достаточно высокую степень эффективности в получении исторически значимых выводов. Однако точность и однозначность этих выводов, как правило, всегда остается под вопросом” (с. 93).

С тем же самым излишним пиететом к заблуждениям прошлого связано недоумение по поводу отсутствия «тотемических» фольклорных объяснений преданий о происхождении селькупов у М. А. Кастрена (с. 68) – предания эти, вполне понятно, топонимические, и «тотемизм» Е. Д. Прокофьева искала в них по известным идеологическим причинам и то, что не нашла – совершенно нормально. Те же самые причины лежат и в основе традиционного невнимания советской этнографии к описанию и выделению локальных этнографических групп, тенденции описывать «народ в целом», перенося единичные особенности на всю общность, и это болезнь не только селькуповедения (с. 94–95) – для Западной Сибири достаточно, например, вспомнить до сих пор господствующий мем о «делении обских угров на фратрии Пор и Мось», не имеющий ничего общего с социальной структурой большинства мансийских и значительной части хантыйских групп. Поэтому можно только приветствовать стремление автора при написании раздела 2.1. “не цитировать публикации XX в. (где нередко всё валили в одну кучу или весьма поверхностно обобщали – В. Н.), а работать с опубликованным материалом исследователей XVII–XIX вв. как с источниками” (с. 96). Такое стремление дойти до сути и до первоисточника – безусловно одно из многих достоинств рецензируемой работы.

Не совсем понятна попытка автора отделить в материалах М. А. Кастрена и П. И. Третьякова «предание» от «устного сообщения» (с. 69): а чем, собственно, они отличаются? Следует ли непременно ожидать особым образом структурированного и формализованного текста, особенно, если информация была записана через переводчика или на русском языке? По поводу Кастрена ещё не совсем понятно, почему его Sprachproben (кстати, это не особенность его языка, как, видимо, полагает автор, а обычное наименование записываемых лингвистами текстов) “невозможно четко дифференцировать по различным локальным группам селькупов, в отличие от собранных им

лингвистических материалов” (с. 112) – ведь если это Sprachproben, они записаны на диалекте, и принадлежность их определённой локальной (диалектной) группе очевидна!

В целом указанные проблемы не портят хорошего впечатления от историографической части работы, которая представляет собой отдельное, имеющее самостоятельную ценность исследование.

Переход к рассмотрению проблем этнической истории и использования фольклора для её изучения прямо вытекает из историографии: автор совершенно справедливо указывает, что в первую очередь необходимо уделить внимание к далёкой от завершения работе по выделению этнографических групп селькупов и даёт сводку сводка имеющегося задела (с. 153–155). Вывод по этой сводке очень хорош: “классификации, проводимые нелингвистами, поражают своей приблизительностью, отсутствием четкой доказательной базы, теоретической непроработанностью вопроса локальных отличий, и фактически отсутствием данных, иллюстрирующих локальные отличия. При этом считать, что в плане культуры группы однородны, вплоть до идентичности, оснований нет. Просто данный вопрос до настоящего времени не был разработан” (с. 156–157). Вот именно так следовало бы писать и в историографической части!

Вместе с тем, не ясно, почему автор несколько раз педалирует мысль о том, что вопрос диалектного членения селькупского языка остаётся открытым: после работ Т. Янурика (надо бы упомянуть не только Janurik T. Szölkup nyelvjárások osztályozásához (Klassifizierung der sölkupischen Dialekte) // Nyelvtudományi Közlemények 80. Budapest, 1978. P. 77–104, но и важную статью Über die Konsonantenphoneme der sölkupischen Mundarten // Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen. Hrsg. von P. Hajdú, L. Honti. Вр., 1984. Ss. 51–67), Е. А. Хелимского (не думаю, что “обобщение классификационных подходов лингвистов присутствует в работе Э. Г. Беккер (1995)” (с. 7) – всё же работы Янурика и Хелимского имеют здесь первостепенное значение) и, наконец, С. В. Глушкова границы селькупских диалектов и их основные особенности в целом вполне определены. Естественно, поскольку речь идёт о науке, окончательного решения быть не может, и предела совершенству нет, но согласиться с тем, что “процесс исследования вопросов исторического облика известных диалектных ареалов (и входящих в их состав диалектов) еще только в самом начале развития” (с. 143–145) никак нельзя. Сюда же, по-видимому, следует отнести и тезис о том, что “для лингвистов селькупы – это изначально автономные диалектно-локальные группы, составлявшие языковой континуум, что означает отсутствие единого селькупского языка. Историки (этнографы), напротив, предполагали изначально целостность селькупов с последующей дивергенцией, приведшей к выделению северных (тазовско-туруханских) селькупов из состава южных (нарымских)” (с. 28).

На самом деле признание автономных диалектных групп и континуума не означает отсутствия единого языка – единый язык создаётся в ходе исторического развития (ср. аналогичную ситуацию с немецкими или даже с (древне)русскими диалектами), а предположение о былом существовании

«праселькупского» языка с последующим его распадом хотя бы имплицитно вполне себе присутствует в головах многих лингвистов. Ср., например, цитату из С. В. Глушкова: “эти два языковых подразделения – южно-селькупский и центрально-селькупский – самостоятельно развивались с прасамодийского этапа. Таким образом, с известной осторожностью, можно считать, что единый праселькупский этап в развитии селькупского языка отсутствовал (или же он был очень краток)” (с. 165) – то есть, несмотря на очевидные расхождения диалектов этих двух ареалов, представить себе их генезис иначе как простую дивергенцию праязыка не очень хочется. Вряд ли, однако, это верно в случае Е. А. Хелимского, как полагает автор: “селькупы рассматривались Е.А. Хелимским как языковые и культурные потомки одной из групп самодийцев, обитавшие в момент своего этнического формирования примерно в том же географическом пространстве, где была их языковая прародина” (с. 164) – в данном случае числительное *одна* не более, чем фигура речи, на самом деле эта формулировка не отрицает сложность и многокомпонентность селькупского генезиса.

Что касается предполагаемой этнографами изначальной же этнической целостности селькупов, то это такой же точно фантом, имеющий истоки в описанных выше идеологических интенциях. Кроме того, противопоставляя “бинарное” деление селькупов в этнографии (северные – южные) в отличие от “тернарного” в лингвистике (северные – центральные – южные) (с. 189–190), следовало бы уточнить – учитывая особенно отмеченные автором недостатки этнографического описания селькупских локальных групп – что у этнографов речь идёт, собственно, не об этнографических группах, как таковых, а о двух относительно обособленных географических ареалах, этнографические различия которых, по сути дела, не описаны и не изучены.

Как бы то ни было, в конечном счёте, автор формулирует абсолютно верный подход к рассмотрению проблем селькупской предыстории: “сама постановка кардинального вопроса: как сформировались селькупы, возможно, не является корректной. Может оказаться, что точнее было бы ставить три вопроса: как сформировались чумылькупы (т.е. центральные селькупы); как произошли сюссыкумы (южные селькупы) и откуда и как появились шёлкупы (сёлкупы) (северные селькупы). У различных лингво-локальных групп селькупов вполне может оказаться разная этническая судьба и разные этапы этногенеза” (с. 167). В этом плане, правда, следует быть последовательней и не менять шило на мыло, говоря об истории “ранних «селькупов» (т. е. племен, говоривших на древнечумылькупском и древнесюссыкумском языках)” (с. 192) – нет оснований считать эти «древнеязыки» и говорившие на них общности более монолитными, чем селькупская в XIX в. В своих выводах, впрочем, автор полностью следует выраженной в приведённой выше цитате верной парадигме.

Столь же точным и важным в плане методологии является утверждение о том, что “для лингвистов и этнографов селькупками являются только те, кто говорит или еще в недавнем прошлом говорил на селькупском языке (выделение моё – В. Н.) и идентифицировал себя под этнонимами, выявленными у локальных групп селькупов (то есть, опять-таки с помощью

селькупского языка – В. Н.). Языковой фактор становится еще более значимым, когда дело касается исследований фольклорного наследия любого этноса, так как фольклор не существует без языка. Археологи рассматривают историю развития культуры на определенной территории, но без привязки к носителям языка. Для археологов, исследующих Нарымское Приобье, предки селькупов – это фактически все, кто жили на данной территории в глубине веков (без учета языкового признака, который археологический материал «ухватить» не в состоянии)” (с. 158). Без понимания этого положения исследование предыстории вообще невозможно – причём это важно как для этнографов / антропологов (при переходе к предыстории при отсутствии письменных источников конструктивистский подход становится невозможен или почти невозможен – (см. мою дискуссию с антропологами в: Этнографическое обозрение-Online. №2. Москва, 2014 // <http://journal.iea.ras.ru/online/2014/index.htm>), так и для археологов (без обнаружения письменных источников археологический материал действительно ничего не говорит о языке населения и тем более – о его самосознании, но, к сожалению – об этой, казалось бы, азбучной истине приходится постоянно напоминать – см., например: Напольских В. В. К методологии палеоисторических реконструкций // Поволжская археология. №4. Казань, 2015. С. 235–265).

Безусловно ценен раздел 3.1. Классификация и систематизация селькупского фольклорного материала (с. 193 pass.) – опять-таки, прежде, чем приняться за решение основной задачи, автор основательно разбирает и классифицирует материал, и делает это на таком высоком уровне впервые (если не считать её же собственных работ, предшествовавших диссертации).

Первая часть анализа фольклорного материала рассматривает его как «фольклор-1», в содержательной части, с целью выявления этнографических деталей старой селькупской культуры в фольклорных текстах (с. 228 pass.). Путём оригинального метода – автоматизированного корпусного анализа 115 текстов выявлены эпизоды, характеризующие хозяйственные занятия героев, объекты материальной культуры, элементы социальной жизни и под. Результаты представлены в виде сводной таблицы (Приложение В). К сожалению, наблюдения и выводы этой главы нередко тривиальны, а выявляемые необычные для селькупской этнографии факты могут иметь объяснение в особенностях фольклорного отражения культуры и в том обстоятельстве, что хронологическая стратификация этого материала практически невозможно. Например, более частое упоминание активной, а не пассивной охоты (с. 234) может объясняться не обязательно особыми социально-экономическими (или природными) условиями в прошлом, а характером текстов: описание активной охоты даёт больше возможностей развернуть рассказ о приключениях героя.

Несколько раз повторяется вывод о том, что “фольклор селькупов однозначно говорит о том, что оленеводства селькупы не знали. Оленей нет в селькупских сказках <...> Основной мясной продукт – лосиное мясо, при этом основной продукт ежедневного питания – рыба” (с. 290), “фольклор ни одной

из локальных групп селькупов не показал оленеводство как отрасль хозяйства. В целом следует подчеркнуть, что олени (даже как объект охоты) редко упоминаются в селькупских фольклорных текстах” (с. 295). Возможно, это отражает особенности природной среды обитания древних селькупов, на что указывает автор: в Нарымском крае большинство оленьих популяций – проходные (с. 187). Однако встаёт вопрос: а с каких пор олени стали не актуальны для древних селькупов? Кроме того, элементарный поиск в Приложении показывает, что олени, и дикие, и домашние всё-таки в текстах встречаются.

Насколько неоднозначно можно хронологизировать и интерпретировать полученные данные о культуре селькупов видно из двух примеров. Автор пишет: “в основном этнографический контекст фольклорных произведений разных локальных групп селькупов достаточно массово и детально показывает их хозяйственные занятия – сочетание охоты (белкования) и рыболовства” (с. 295). Возможно, я не прав, но мне кажется, что белкование, то есть пушной промысел – позднее явление, вряд ли возникшее раньше утверждения в крае русской власти. Если следовать прямолинейной логике по принципу «нет оленей в фольклоре – не было оленеводства», то надо предположить, что и охоты помимо пушной практически не было?

Второй пример касается не только фольклорных, но и этнографических данных: “самый большим аргументом против автохтонности селькупов в Нарымском крае является их верхняя одежда. Одежда селькупов, какой ее застали этнографы в XIX – нач. XX в. – это одежда людей, не знающих сильных морозов: распашная (без системы застёжек, т.е. вариация халата), пояс – из ткани, скрученной жгутом. Особенно показательной в данном вопросе является верхняя традиционная одежда селькупов *понджел-порг* (нар.), сшитая из лоскутов меха, т.е. в технике «сборного меха». Такая «шуба» носилась мехом внутрь (ворсом к телу), сверху обтягивалась грубой тканью, т.е. фактически это был халат на меховом подкладе. Технику изготовления мозаичного мехового полотна исследователи считают по происхождению связанной “с более южными территориями”, чем Среднее Приобье (Н. В. Лукина). У скотоводов Центрального и Горного Алтая V–III вв. до н.э. существовала одежда из сборного меха, а штаны и обувь одного знатного человека из Пазырыкских курганов были сшиты из сотен прямоугольных лоскутов кожи. Это объясняется не бедностью владельца, а желанием получить мозаичный узор. Кроме того, изделия из лоскутов ткани широко известны в Средней Азии” (с. 185). Такая же одежда и приёмы её изготовления фигурирует и в фольклоре (с. 249–250).

Хочется заметить, что шитьё из лоскутов (*patchwork*) известно не только на юге Сибири и в Средней Азии, но гораздо интереснее короткое замечание самой Н. А. Тучковой по поводу лоскутных шуб селькупов: “тратить целые шкурки соболя на шубу было не принято; основу шкурки сдавали как ясак, а себе оставляли только лапки и хвостики” (с. 250). Не было ли это простое (и опять-таки позднее, связанное с ясачным обложением) обстоятельство причиной распространения такой одежды. Интересно ещё вспомнить, что в ранних источниках (Спафарий) говорится об одежде остяков

из рыбьей кожи, которая уже в XVIII в. не упоминается (с. 97–99), что свидетельствует, возможно, о значительных изменениях в селькупской моде при переходе к ясачному укладу.

Не слишком убедителен сделанный из факта простого наличия в селькупском языке набора слов типа ‘старица’, ‘затон’, ‘протока’, ‘лива’, ‘пойменное озеро’ и под. вывод о прародине селькупов во II–X вв. н. э. не просто в Нарымском Приобье, а даже на берегах конкретных рек (Васюгана, Чижапки, Нюрольки, Кети, Тыма, Чулыма и др.) (с. 183): приведённый лексикон не содержит ничего специфического для данных территорий и уж тем более не может быть датирован с такой точностью; да и его лингвистический анализ небесспорен: например, *согра* ‘заболоченный луг’ – не обязательно собственно селькупское слово (с. 182) – ср. рус (Волог.) *сорга* ‘сухое болото, поросшее кустарником’ (СРНГ вып. 40. СПб., 2006, с. 14), коми (НВыч., Уд.) *сӧгра*, (Вым., Иж.) *согра* ‘болотистое кочковатое место с корявым ельником’ (ССКЗД: 344). Высказанный там же тезис о том, что русскому языку “не хватало” речной терминологии, и он вынужден был заимствовать соответствующие слова из селькупского – также сомнителен: в русском языке есть аналоги большинства этих терминов, а соответствующие селькупские заимствования в нарымских русских говорах являются скорее результатом обобщения местной селькупской топонимии.

Интереснее извлечённые из фольклорных источников данные о традиционном этикете селькупов, представлениях о красоте, взаимоотношениях полов (с. 257 pass.) – эти аспекты их культуры плохо исследованы на этнографическом материале.

Центральная тема диссертации представлена в гл. 3.3. «Селькупский фольклорный материал и его корреляция с этнической историей селькупов». В качестве репрезентативной группы фольклорных текстов, распространённой во всех локусах селькупского этнического континуума, выбрана подборка текстов с героем Итей и его антагонистом – великаном-людоедом (с. 214 pass.). Их анализ позволил выявить пять четко выраженных ареалов распространения Итя-сюжетов: среднетазовский, туруханский, верхне-/средне-кетский, среднеобской (иванкинский) и тымско-васюганский. Важно, что только один из 22 сюжетов может считаться общеселькупским (с. 285). При этом северные ареалы (среднетазовский и туруханский) относительно изолированы, а южные не образуют отдельных изолированных выраженных ареалов и взаимно перекрываются, причём в центральном (тымском) регионе сюжетов об Ите мало, а верхнекетский (южный) ареал оказывается ближе северному (среднетазовскому), чем тымский, что не совпадает с выводами лингвистов о взаимоотношениях селькупских диалектов (с. 281–289). Кетский ареал вообще выглядит уникальным, поскольку там сосредоточен сгусток мотивов, являющихся «связующими звеньями» как для сюжетных наборов всех других ареалов, что свидетельствует об активном участии кетского (сюссыкумского) населения в генезисе как северных, так и обских групп селькупов (с. 292). Важно, что автору удалось показать, что в селькупском фольклоре наличествуют отдельные мотивы, восходящие, возможно, к прасамодийской

эпохе (мотив липкой ловушки и волшебного кормления героя невидимым хозяином) (с. 291).

Несколько смущает тезис о том, что “так как фольклор без языковой базы не существует, поэтому с достаточной долей определенности можно считать, что носители селькупского языка и носители основной массы сюжетов селькупского фольклора на селькупском языке – это совпадающие сообщества” (с. 286). То обстоятельство, что фольклор легко преодолевает языковые барьеры, и языковые ареалы не обязательно совпадают с фольклорными, хорошо известно; самый яркий пример такого рода несовпадений – северокавказский нартский эпос. Поэтому, и особенно – принимая во внимание, что общих селькупских сюжетов крайне мало – интерпретация реконструируемой картины взаимоотношений селькупских фольклорных ареалов должна быть осторожной, прямой перенос выводов, следующих из фольклорного и этнографического материала на историю языка невозможен.

Например, вовсе небесспорным представляется тезис о том, что, “поскольку есть сюжет (из сюжетов с героем Итя), имеющий всеселькупское распространение (С-1), то этот факт, безусловно, говорит о наличии общего этапа в формировании селькупов всех групп (и южных, и центральных, и северных)” (с. 288) – что мешает предположению о позднем трансселькупском распространении сюжета и даже о его заимствовании, например, из кетской или энецкой традиции?

Принципиальное значение имеет тезис о том, что фольклор центральной селькупской группы (чумылькупов) “отстоит от общих сюжетных линий селькупского фольклора почти так же отдаленно, как и другие группы северо-восточных самодийцев (энцев и нганасан)” (с. 288) с одной стороны, и что “в целом «треугольник» Кеть – Турухан – Средний Таз выражен намного более отчетливо, чем линия Тым – Сердний Таз <...>, что культурные (фольклорные) контакты более интенсивно шли иным путем – по линии: Верхняя Кеть – Средний Таз” (с. 289), и “отчетливо выявляется другой «треугольник»: Кеть – Средняя Обь (Ив.) – Турухан” (с. 289). Таким образом, чумылькупы обитали в Приобье достаточно автономно от сюсыкумов, а обские шёшкупы – это выделившаяся часть кетских сюсыкумов, которые активно контактировали как с нижнекетскими, так и с крайне-южными («верховскими») селькупами. Последние, в свою очередь, как и шёшкупы, тесно связаны сюжетно-мотивными узлами с сюсыкумами р. Кети” (с. 292).

В целом, учитывая не только фольклорно-этнографические, но и языковые данные, автор рисует следующую картину селькупской предыстории. В основу их генезиса в первой половине I тыс. н. э. составили две, а точнее – три разные прасамодийские группы: «южные» сюсыкумы, которые продвигали на северо-восток по Кети от её истоков к Оби и по ней на юг до устья Чулыма, «центральные» чумылькупы, прародиной которых был район истоков Чижапки, Чузика и Кёнги, и которые через Васюган и Парабель вышли к Оби с запада, и, перейдя на её правый берег, освоили и бассейн Тыма, и, наконец «крайне-южные» протоселькупы продвигавшиеся с юга вниз по Оби от устьев Томи, Чаи и Чулыма. Вследствие взаимодействия сюсыкумов и «крайне

южных» протоселькупов на Оби между верхним устьем Кети, устьями Чаи и Чулыма сложилась зона интенсивного смешения (обские шёшкумы), ставшая позднее вторичным центром концентрации общеселькупских явлений в языке и культуре. Предполагается, что у этих трёх групп не было единого общего «праселькупского» этапа (или он был очень краток) – скорее следует говорить о периоде “соразвития в относительно близком географическом пространстве”. Причиной указанных миграций было, скорее всего, тюркское (хотя, на мой взгляд, не обязательно только тюркское – стоит в этой связи подумать и о енисейско-селькупских отношениях) давление с юга, после гибели гуннского государства и начала активных миграций центрально азиатского населения степей на запад. Формирование северных (тазовско-туруханских) селькупов имело место позднее, и в нём наиболее активное участие приняли выходцы с Кети (с. 30, 300–301).

Схема представляется вполне обоснованной. Во всяком случае, на сегодняшний день это – лучшая версия селькупской предыстории, и она куда лучше объясняет лингвистические, этнографические, ономастические, фольклорные факты, нежели фантастические построения Г. И. Пелих или прямолинейные схемы «единого» генезиса селькупов в Нарымском Приобье на базе «археологической непрерывности». Можно, конечно, указать на то, что, если предполагаемый исток чумылькупов имеет обоснование в безусловном параллелизме *Бараба – Парабель*, то вот для сюссыкумов движение с верховьев Кети (или среднего течения Томи по Кети вниз (с. 287)), по большому счёту, не обосновано: почему нельзя предполагать, например, обратное движение вверх по Кети? Тогда причины отличия кетских диалектов от центральных и северных можно было бы объяснять воздействием какого-то местного субстрата. Однако, в целом, повторяю, схема выглядит весьма обоснованной и открывает широкие перспективы реального объяснения генезиса селькупских групп. Добавлю, что в качестве общей прародины всех трёх протоселькупских групп (чумылькупов, сюссыкумов и «крайне южных» протоселькупов) вырисовывается широкая полоса южной тайги от верховьев Васюгана на западе через верхнее течение Шегарки и среднее течение Томи до верховьев Кети на востоке. Дальнейшие исследования топонимики этого района и взаимодействия селькупского языка с тюркскими, енисейскими, угорскими и др. языками позволит уточнить намеченную здесь картину.

Для понимания того, что разработанная Н. А. Тучковой гипотеза селькупской предыстории вполне исторична, не могу не указать на хорошо разработанную типологически почти идентичную ей схему сложения ядра великорусского народа на базе нескольких восточнославянских племён (прежде всего вятичей, кривичей и словен новгородских) с формированием вторичного центра культурных и языковых изоглосс в Москве. Здесь совпадает буквально всё – за исключением того, что в великорусском случае процесс культурной и языковой интеграции завершился, а в случае селькупов ассимиляция произошла раньше, чем этот процесс вступил в завершающую стадию.

Все отмеченные выше спорные моменты трудно назвать недостатками: по сути дела, обсуждая их, я веду дискуссию с автором, сама возможность которой обеспечена высочайшим уровнем рецензируемого исследования и его несомненно большим значением для изучения фольклора, этнографии и предьстории народов Западной Сибири. Нет сомнения, что Н. А. Тучкова великолепно справилась со стоящей перед ней труднейшей задачей, её работа абсолютно оригинальна, материал и литература проработаны скрупулёзно и исчерпывающе, методологическая корректность и историзм построений автора не подлежат сомнению.

Диссертация Натальи Анатольевны Тучковой «Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных» написана на самом высоком научном уровне, соответствует требованиям пп. 9–11, 13, 14 действующего Положения о присуждении ученых степеней, прошла все необходимые процедуры апробации, имеет опору во многочисленных работах автора, признанных в России и за рубежом, и должна быть рекомендована к печати как монография. Наталья Анатольевна Тучкова, безусловно, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Официальный оппонент
профессор кафедры культурологии
и менеджмента в культуре
Института социальных коммуникаций УдГУ,
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук
по специальности
07.00.07 – Этнография, этнология
и антропология

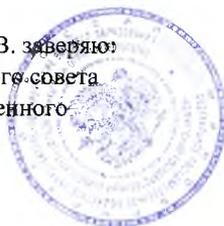

Напольских Владимир Владимирович

10.12.2018

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет», 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; телефон: 8(3412) 68-16-10, факс: 8(3412) 68-58-66, официальный сайт: <http://udsu.ru>; e-mail: rector@udsu.ru

Подпись Напольских В. В. заверяю:
учёный секретарь Учёного совета
Удмуртского государственного
университета

Н. Ф. Военкова